

2

Исключительная сложность восстановления истории создания ПВЛ и определения отношения «Сказания о преложении книг» к возможному западославянскому источнику объективно имеет основанием крайнюю неясность в общих вопросах приурочения и датировки некоторых памятников киевской и западославянской письменности. Взгляды на то, когда «Сказание» попало в киевскую летопись, чрезвычайно различны. А. А. Шахматов и многие другие считают, что «Сказание о преложении книг» было включено только в позднюю редакцию начала XII в.; В. М. Истрин — что оно находилось в русской летописи уже в первой ее редакции (1054 г.), кроме того, он утверждает, что это «Сказание» знал также Иларион, автор «Слова о законе и благодати»; Н. К. Никольский относит время внесения «Сказания о преложении книг» в летопись к началу XI в. или к еще более раннему периоду, связывая «Сказание» с древнейшей, так называемой «поляно-русской» летописью. Весьма разноречивы представления о первоначальном виде «Сказания о преложении книг». Различны и общие концепции развития ПВЛ, гипотезы о ее исходном источнике.

Не меньшая, если не большая, неопределенность господствует в вопросе о западославянском источнике. Единственный опорный пункт здесь — сочинение Кристиана, но оно является предметом бесконечных споров. Большинство русских исследователей предпочитает умалчивать о Кристиане. Это особенно бросается в глаза у А. В. Флоровского, который, кстати говоря, имел достаточно возможностей для знакомства с чешской специальной литературой. Исключением является Г. А. Ильинский, твердо поддерживающий подлинность Кристиана. Даже Р. О. Якобсон, который долгое время разделял взгляды Пекаржа, не устоял перед скептиками, особенно Урбанком, и оперирует в своей работе 1954 г. гипотетическим текстом *L — предполагаемым общим источником Кристиана и параллельного текста в Бёддецкой рукописи. Естественно, что такие гипотетические источники с самого начала возбуждают недоверие.

Следует сказать и о языковых трудностях. Каким образом возникли совпадения между латинским сочинением Кристиана и славянской ПВЛ? Редактор ПВЛ, включивший «Сказание о преложении книг» в летописный свод, никак не мог опираться на латинский памятник. Неизбежно должно было существовать старославянское связующее звено. Это бесспорное допущение вызывает трудности двойного рода. При каких обстоятельствах в Чехии или Моравии возникло первоначальное «Сказание о преложении книг»? Какова была его литературная история, прежде чем оно попало в Киев и в ПВЛ? Каким образом начальное старославянское «Сказание о преложении книг» попало в латинскую легенду Кристиана?

Необходимо, конечно, учитывать и другую возможность: сначала возникло латинское сочинение Кристиана, а затем в XI в. на его основе была составлена первоначальная славянская версия «Сказания о преложении книг». По крайней мере один раз неизвестный источник «Сказания» должен был быть переведен с одного языка на другой. Хотя М. И. Сухомлинов в 1856 г. и поднимал вопрос о связях ПВЛ с западноевропейской латинской историографией,¹⁵ но переводы с латыни на старо-

¹⁵ М. И. Сухомлинов. О древней русской летописи как памятнике литературном. — Ученые записки второго отделения Академии наук, кн. III. СПб., 1856; см. также: М. И. Сухомлинов. Исследования по древней русской литературе. СПб., 1908, стр. 31, 35—38.